

ЛИЛИТ МАЗИКИНА

Капли граната

Лилит Мазикина

Капли граната

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350380

ISBN 9785449667052

Аннотация

Господин Видок – лучший детектив Франции. Он ещё и первый детектив во Франции. Совсем недавно он ловил страшные банды грабителей и убийц, но теперь ему предлагают задание, которое может оказаться и не по зубам. И кто предлагает? Цыгане. Вот уж кому, казалось, полицейских, даже бывших, надо обходить стороной!

Содержание

Капли граната. Странное дело из жизни детектива Видока	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Капли граната

Лилит Мазикина

© Лилит Мазикина, 2019

ISBN 978-5-4496-6705-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капли граната. Странное дело из жизни детектива Видока

Господин Видок к двери своего дома подходил уверенным шагом, но всё же не забывал посматривать по сторонам. Когда к нему метнулась из тени что-то живое, лохматое, бойко отскочил, перехватывая трость удобнее. В палку был залит, конечно, свинец. Слава богу, и в неполные шестьдесят господину Видоку, бывшему главе тайной полиции Франции, хватало сил. Но силы не понадобились: детектив разглядел, что перед ним стоит всего лишь девочка лет девяти или десяти, и в её молитвенно сжатых руках ничего нет.

Добротное, аккуратное, пусть и немного поношенное платьице Видока не обмануло. Девочка явно была цыганкой. Её выдавали особая, не такая, как бывает у крестьян, смуглость кожи и обрезанные чуть выше плеча кудри настолько чёрные, что видно было, как трудно их выжечь солнцу – тому злому бродяжьему солнцу, которое так легко покрыло кожу девочки загаром. В уши девочки были вдеты маленькие серебряные колечки. Это были её единственные украшения.

– Господин Видок, – тоненьким, срывающимся голоском сказала девочка. – Прошу вас, помогите мне. Никто мне больше не поможет, господин Видок! Ведь вы – лучший полицейский во Франции!

Глаза у неё были такие большие, словно изготавливали их для взрослой женщины, да ещё, пожалуй, рослой, с широким лицом. Для маленькой мордашки девочки они были слишком велики. А может, это была оптическая иллюзия и они казались больше из-за сверкающей пелены слёз.

Господин Видок нахмурился и обошёл девочку, бросив коротко:

– Я теперь не полицейский, и оставь свои уловки, я знаю, кто ты.

Девочка немедленно уцепилась похожими на веточки пальцами за рукав его крылатки:

– Но у меня есть чем платить, посмотрите, сударь! Это чешские гранаты, во Франции таких не найти!

Последние слова она произнесла задушенным, свистящим шёпотом, поднимая к самому лицу сыщика горсть, наполненную чем-то, что показалось ему сначала покрытым красными дрожащими каплями, крупными и свежими, какие выступают порой на коже вдоль тончайшего пореза от жёсткой и тонкой бумаги.

Господин Видок быстрым движением зажал смуглую маленькую ладонь и так же быстро огляделся; улица казалась пустой.

– Я очень давно, дитя моё, – сказал он, понизив голос, – не скупаю и ни на что не обмениваю краденое.

– Говорю же вам, говорю же! – по лицу девочки поползли, наконец, прозрачные ручейки. Нос у неё, что легко было

услышать по голосу, тоже начало закладывать. – Мне нужна помощь, мне никто не сможет помочь, кроме вас. О, прошу, возьмите всё, это не краденое, это бабушкино, только помогите, помогите, помогите!

– Как тебя зовут? – спросил сыщик.

– Аннетт, – всхлипнула цыганка. Сыщик вздрогнул от непрощеного воспоминания и привычным усилием отогнал его. Это точно не было настоящее имя девочки. Господин Видок отлично видел, что она – из тех богемских цыган, что зовут себя ещё романичелами. Но богемское имя он бы, пожалуй, не выговорил. «Аннетт» его вполне устраивало.

– Идём со мной, Аннетт, – сказал он и придержал для девочки дверь. В дом она юркнула, как зверёк, который хорошо знает, что ему здесь не место. Господин Видок провёл её в свой кабинет, не снимая крылатки. Сел за стол, и девочка положила перед ним то, что пыталась показать на улице: серебряный крест, усеянный полированными красными камнями, и перстенёк ему в пару.

– Ты принесла всё, что у тебя есть? – спросил сыщик, разглядывая угнездившиеся в цепочке от крестика украшения. Аннетт торопливо вынула из ушей серёжки, маленькие и совсем простые, два крохотных кружочка серебра, и положила сверху уже предложенного. Господин Видок хмыкнул. – Серьги оставь себе. Итак, Аннетт, ты меня нанимаешь?

Девочка смотрела на него круглыми глазами, медленно вдевая серёжки обратно в уши. Сыщик без труда понял её

замешательство.

– Если ты даёшь мне предоплату за некий труд, а я этот аванс беру, – он сгрёб украшения в ящик стола одним длинным движением, – и обещаю работу выполнить, то ты, стало быть, меня нанимаешь. Ты моя клиентка, а я выполняю твоё задание. Так это называется, малышка. Садись, этот стул у меня как раз для клиентов. Ты теперь будешь мадмуазель.

Девочка оглянулась и неуверенно присела. Господин Видок достал тем временем чистые листы бумаги, открыл чернильницу, нашёл приличное перо. Крупно написал сверху листа: «Дело мадмуазель Аннетт».

– Это вы чего? – встревоженно спросила девочка.

– Это я пишу. Если у вас, мадмуазель, ко мне дело, мне надо его записать.

– Не надо ничего писать, ни к чему это! – девочка решительно мотнула чёрными кудряшками. Красивая будет когда-нибудь баба, подумал сыщик. Но уже не для нас, уже не для нас тогда будут красивые бабы.

– Как же я буду расследование вести, если не запишу главного?

– А вы запоминайте. Что же вы за сыщик, если не помните, что вам скажут?

– Помнить-то я помню, – ворчливо отозвался господин Видок, откладывая перо и закрывая чернильницу обратно. К чему было спорить? Он потом отлично запишет всё,

что надо, по свежим следам. – Должен быть порядок, понимаешь, малышка? Но если полицейские порядки тебе не по нраву...

Девочка закусила губу, не зная, то ли каяться и умолять его писать, раз так надо, то ли согласиться, что да, никак ей не по душе полицейские порядки; сыщик, не став её мучить, сразу продолжил:

– Говорите тогда просто так, маленькая барышня. Я вас слушаю. Какая беда стоит того, чтобы отдать за неё всё, что имеешь?

По пыльным, как стало видно из-за слёз, щекам снова потекло.

– Моя мама, – сказала Аннетт, шмыгая носом и кривя губы. – Мой папа... Мы из-за них в Чехию уходим, а они пропали. Здесь, во Франции пропали, а мы в Чехию без них уходим...

– И почему вы думаете, что я помогу вам лучше цыганской почты? – удивился господин Видок. Он-то знал, как быстро могут отыскать цыгане своих, когда им нужно.

– Потому что вы победили Алхимика, – сказала Аннетт. Сыщик уставился на неё, и она не отвела прямого, молящего, по-детски открытого взгляда.

– Ты не могла знать... Кто тебе сказал... Что вы знаете об Алхимике?..

Господин Видок давно утратил привычку выпаливать первое, что в голову пришло, но об истории с Алхимиком знал

далеко не каждый. И знать каждый был не должен.

– Я не знаю, – ответила девочка. – Мне так велела сказать... Кое-кто.

Что ж, Аннетт была не готова вести разговоры «кое о ком», а Видок с удовольствием свернул бы тему с таким трудом побеждённого когда-то колдуна. Его даже в мемуарах нельзя было упоминать – да и не хотелось.

– И что же, вы хотите сказать, что пришли ко мне из-за какого-то колдовства? – спросил он. Вновь чёрные тяжёлые кудряшки закачались, только теперь оттого, что Аннетт усердно кивала. Понукать её было не надо: она сама принялась рассказывать. Историю, к которой сыщик пока не мог себя мысленно приложить. Это вам не поджигатели пяток и не банда головорезов с большой дороги.

Любой другой бы удивился. Кто, как не цыгане, скорее расправятся и с тёмной волшбой, и с чародеем? Но Видок, которому в молодости довелось потереться среди цыган, знал, как на самом деле это жалкое племя боится колдунов, вампиров и прочего дурного волшебства. Неудивительно, что племя девочки сейчас хотело уйти прочь с земли, на которой творились странные дела. Потому что девочка рассказала вот что.

Кто-то преследовал цыган. Это само по себе не было новостью: бродячее племя кто только не преследовал за его историю, и сейчас, когда времена изменились, нет-нет шёл вслед цыганам или воздыхатель, не терявший надежды покорить

своей любовной тоской сердце смуглой красавицы в тюрбане, или ненавистники, которые жаждали проучить «черномазых», а больше попробовать свою силушку так, чтобы им за это ничего не было. Но Аннетт рассказывала совсем другое. Первое: никто не видел загадочного преследователя, никто не мог понять, где он подстерегает и кто накликал на племя беду. Второе...

Преследователь был точно. Однажды цыган или цыганка становились беспокойными, взгляд их – бессмысленным, они переходили с места на место, порой кружились, а потом вдруг собирались и шли в ночь. Да, происходило это всегда ночью. Когда племя собиралось, чтобы поужинать, сложить вместе добычу, попеть, потанцевать и, наконец, поспать.

Всегда заклятый неизвестным человек уходил в ту сторону, откуда племя пришло в город или село, и не возвращался. Привязывать не помогало: рано или поздно человек выпутывался непонятным образом и уходил. Тот, кто осмеливался идти следом, пропадал тоже. Так исчезла дюжина человек – около четверти всего племени. Как ни петляли цыгане по Франции, им не удалось дойти куда-нибудь, где неизвестный от них бы отвязался. Одна старуха взялась гадать, но смогла сказать только, что все ушедшие живы и будут жить ещё долго. Тогда взрослые решили, что не будет греха бросить своих и спасти оставшихся, и теперь племя идёт в Чехию, задержавшись только на несколько дней в Париже перед дальней дорогой.

Правильно он не предложил ей прийти со своим вопросом в своё бюро. Это дело было не для чужих ушей и глаз. Рука у господина Видока опять потянулась к бумаге, но он вовремя себя одёрнул и стал задавать вопросы. Девочка отвечала ясно и быстро; как обычно и бывает у цыганских детей, у неё был острый взгляд, хорошая память и смекалки в достатке. Все двенадцать человек, которые исчезли из-за неведомого преследователя, были взрослыми, притом никогда не старыми. Перед тем, как уйти, они не бормотали, не вращали глазами, будто что-то видят, не делали знаков окружающим, хотя всё видели и понимали – только словно становились равнодушны. Следили, чтобы не зайти в огонь, ели то, что дают, отстукивали ритм на бубне...

Заколдован оказался только отец Аннетт. А мама пыталась его остановить. И вот уже много дней она не видела ни одного, ни другую, и старший брат велит ей об этом не думать – а она думает и думает.

Информации было так мало, что господин Видок понял – разговора с другими цыганами не избежать. Только говорить с бывшим легавым они, пожалуй, не станут. Он задал Аннетт вопрос – если бы она ответила «да», была бы надежда. Аннетт ответила «нет», но потом добавила кое-что, от чего господин Видок воспрял духом.

– Вот ты каков, Габек! Карон не так много говорил о тебе, но всё же он был добрым товарищем, и я пришёл на помощь сразу, как она понадобилась! Здоровья тебе и всем твоим близким, брат Карона!

Тот, кого называли Габеком, вздрогнул и обернулся. Вздрогнули и все, кто сидел возле очага в убогом домишке, где разместилось всё племя Аннетт, и принялись рассматривать пришельца. Без сомнения, цыганом он не был, да и не стал бы цыган обращаться к своим на французском языке. Вошедший был не совсем уж стар, но и не так, чтобы молод; не высок и не низок; волосы у него были рыжеватые, кудрявые, и такие же бакенбарды, глаза – серые и обыкновенной формы, нос – прямой, не слишком большой, хотя и совсем не маленький, губы не тонкие и не толстые, подбородок круглый и чисто выбритый. Изю всех особенных примет можно было заметить только, что гость широкоплеч и, видимо, очень силён. Опыт говорил цыганам, что в трости в его руке наверняка есть, что называется, начинка.

– Кто ты такой и что ты, ч... ч... – поймав себя за язык, чтобы не накликать лишней беды к уже свалившейся, обратился к гостю Габек. – Что ты сделал с нашими собаками?

Обыкновенно цыганские собаки чужаков не кусали, чтобы не было потом разборок с полицией, но лаяли очень громко и задерживали робких душой, щёлкая зубами подле человеческих лодыжек. На этот раз ничто не предупредило цыган о незваном госте, и это пугало.

На самом деле, конечно, это Аннетт одним ей известным способом успокоила собак во дворе, но Видок с ней условился, что цыгане об этом не узнают.

– Как, разве ты не видишь? Я думал, меня все нормальные воры знают, я же предатель всего воровского племени, бывший полицейский, тот, кто поймал Алхимика. Как, ты думаешь, может избавить от колдуна тот, кто сам с ведовством не знается? Как, ты думаешь, столько лет может входить в банды неузнанным тот, кто не умеет менять внешность? Я – Эжен Франсуа Видок, друг Карона. Мы с ним одно время вместе ходили, и в память об этом я цыган никогда не трогал.

Это было правдой: в обязанности Видока допрежь входила охота только за огромными шайками, убийцами, грабителями, профессиональными ворами. Маленькие цыганские племена, хотя и не сторонящиеся мелкого воровства и мошенничества, его делом не были. Но о Видоке, как он и догадывался, они слышали – хоть и не от Карона, который Видока-то и знал некогда под другим именем.

– Он оборотень... Он меняет рост и лицо, может обернуться женщиной, об этом все говорят, – сказала мать Габекка по-цыгански. Видок её не понял и внутренне напрягся, зная, какой авторитет в цыганских семьях у старух. Вели она сейчас растерзать его на клочки, и драка выйдет очень тяжёлая. Но виду сыщик не подал и с почтением ей поклонился, спрашивая:

– Не матушка ли вы Карона? Мне кажется, я видел вас возле Лувена, когда мы с ним шли из Мехельна.

– Я его мать, – сказала старуха. – Так и есть, я видела тебя там, я тогда ходила ещё с Кароном. Все, кто ходили тогда с Кароном, после смерти его здесь. Узнаёшь ли кого-то ещё?

Видок обвёл глазами комнату и вздохнул:

– За эти годы дети выросли, юноши и девушки переженились, мужчины и женщины состарились... Только ваше лицо мне знакомо.

– Я тебя помню, ты сбежал тогда от нас, только мы заговорили о деле, – подала голос другая женщина, лет, может быть, сорока. Она смотрела на Видока прямо и недоверчиво, не делая, как другие, знаки от колдовства.

– Я сбежал, только мне донесли, что легавые, идущие по моему следу, подошли слишком близко, – возразил Видок. – Хорош бы я был товарищ, если бы меня арестовали ночующим у цыган и всех цыган потащили бы в полицию. Я ведь тогда сбежал с каторги. Я много раз бежал с каторги...

– Это правда, – опять по-цыгански подтвердила старуха. – Он оборачивался в разных людей, добыв что-то из их вещей, и убегал под носом у стражи.

Габек решил:

– Садись, Видок. Мы дадим тебе и вина, и мяса, поешь с нами. Это правда, что в нашем племени беда. Нам нужен кто-то, кто спасёт нас от колдуна. Садись и расскажи, как ты нам поможешь.

Видок подошёл к жожаку и крепко пожал ему руку, прежде, чем сесть на место, которое ему освободили, потеснившись, цыганские мужчины. Он принял и вино, и мясо, хотя не был голоден и не хотел быть пьян; но он знал, что все будут смотреть, сможет ли он есть и пить человеческое. Наверное, только он и заметил, как Аннетт, пока все цыгане глазают на гостя, проскользнула, наконец, в лачугу.

Чтобы заполнить время, господин Видок, попивая из кружки, вёл светскую беседу: болтал о погоде, ценах и своих славных былых деньках. Не тех, конечно, когда он работал на полицию: о молодости, армии, хорошеньких девушках и добрых товарищах. Его тянуло оглядеться на ту женщину с чёрными волосами, покрытыми сединой как паутиной, которая так смело глядела на него; хотя она не вздрогнула, услышав про Алхимика, как не вздрогнул ни один из цыган, сыщик был почти уверен, что именно эта женщина велела Аннетт пойти к нему и именно она знает больше, чем нужно знать. Быть может, и о том деле, с которым он пришёл, тоже.

Только после ужина господин Видок попросил Габека и его почтенную матушку потолковать о деле – только их двоих, чтобы не оглохнуть от гама, когда каждый цыган примется выкрикивать своё мнение или наблюдение, как часто бывает у цыган. К большому удовольствию гостя, старуха позвала говорить с ними и женщину с дерзким взглядом. Оказалось, что её зовут неблагозвучным именем Батеркиня. Вчетвером они сели спинами к остальному табору. Другого

уединения в этом доме не могло быть.

Господину Видоку не впервые было вести допрос так, чтобы собеседники не считали его допросом. Про то, кого и где увели от табора, он узнал ещё от Аннетт. Теперь предстояло нащупать предысторию исчезновений.

Предыстории – отличный инструмент в руках сыщика, если он всегда помнит очень важную вещь: одно после другого не значит, что второе стало причиной первого. Второе может быть одной из множества сработавших вместе причин, может быть таким же последствием первопричины, только наставшим ранее, или, наконец, может быть не больше, чем случайностью. В последнем случае то, что предшествует событию, тоже может пойти в дело – как ориентир по времени или как то, на что обратили внимание очевидцы основного происшествия, которые ещё не понимают, что стали очеаидцами, но могут вспомнить подробности, отталкиваясь от главного, по их мнению, воспоминания.

Больше всего сыщик, конечно, надеялся на старуху: их мелочность и раздражительность помогает им запоминать самые неожиданные детали, да ещё и, порой, в потрясающих количествах. Возможно, что-то знала и Батеркина (когда господин Видок, извинившись, признал, что не выговорит её имя, наверное, никогда, она разрешила называть себя просто Николь). Меньше всего должен был помнить вожак: как с досадой обнаружил некогда, тренируя агентов, сыщик, чтобы мужчина запомнил что-то кроме смазливого личика

или пышной фигурки какой-нибудь цветочницы, его обычно надо сначала как следует обучить.

Невозможно просто повернуться к человеку и спросить: ну, так что случилось перед тем, как у вас стали красть цыган? Если бы цыгане сами понимали, что случилось, уж Аннетт бы знала. Дети подслушивают взрослые разговоры чаще, чем большие замечают это. Вот и сейчас у девочки ушки на макушке, а ведь кажется, что она вся поглощена игрой с нелепой, из тряпок наспех сделанной куклой... Прямо за спиной Батеркини, всего лишь на дюйм или два ближе, чем любой другой цыган из тех, что рядом с Видоком и Габекком.

Значит, оставалось угадывать, где копать и что спросить. Были у похищенных общие приметы? Родинки, странные обстоятельства рождения, глухота, ревматизм? Нет, кажется ни одной не было. Бывало ли, что каждый раз перед похищением цыган приносил особенно много денег? Да. Или нет. Или да. Нет, точно нет. Бывало ли, что за похищенным весь день ходила чёрная собака или его угощали в трактире или накануне он случайно резал палец, наступал на гвоздь, проливал кровь другим способом?

Говоря честно, господин Видок не знал о колдовстве почти ничего: разве что мальчишкой обсуждал с другими сорванцами всякие приметы кладов да плевал вослед чёрным кошкам. Имел он понятие и о воровских способах привлечь удачу, но до сих пор не мог точно сказать, имеют ли они от-

ношение к колдовству. Все эти способы плохо работали против слаженного труда команды следователей или если вор был попросту дурак дураком.

Кажется, кровь была. Один порезал, другой наступил, третий подрался, четвёртый упал носом на стену, потому что его толкнули...

Нет. Не то. Кровь была не у всех. У двух женщин не случилось вне табора ни царапинки, ни ссадинки, ни даже укола булавкой.

– Если не считать, что женщине это вообще не нужно, чтобы оставить где-то случайно каплю-другую крови, – насмешливо сказала Батеркиня, грызя трубку, которую так и не раскурила, только засунула, когда закурили остальные, себе в зубы.

– Кровь – лучшая метка, – помолчав, сказал господин Видок. – Уверен, это была она.

Он продолжил расспросы. Цыгане уверяли, что не тревожили перед тем ничьих могил, не принимали – очень долго! – у своего огня чужаков, не находили кладов, не обижали безымянных старушек в лесу... Сыщик вытер вспотевший от напряжения лоб. Неужели не было никакого стартового события? Неужели безвестный колдун, сидя однажды за бокальчики вина, вдруг сказал себе: а не походить ли мне за цыганским племенем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.